

44

На правах рукописи

Прилуцкий Александр Михайлович

**СЕМИОТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО
РЕЛИГИОЗНОГО ДИСКУРСА КАК ПРЕДМЕТ
РЕЛИГИОВЕДЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ**

Специальность 09.00.13 Религиоведение,

философская антропология, философия культуры

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени доктора
философских наук

003447423

Санкт-Петербург
2008

Работа выполнена на кафедре философии и социологии Автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Ленинградский государственный университет имени А С Пушкина»

Научный консультант доктор философских наук, профессор
Гордиенко Николай Семенович

Официальные оппоненты: доктор философских наук, профессор
Шахнович Марианна Михайловна

доктор философских наук, профессор
Балахонин Виталий Витальевич

доктор философских наук, профессор
Гура Владимир Аврамович

Ведущая организация: Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Саратовский государственный университет имени Н Г Чернышевского»

Защита состоится «15» октября 2008 г в 15 00 часов на заседании диссертационного совета Д 800 009 01 при Автономном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Ленинградский государственный университет имени А С Пушкина» 196605, Санкт-Петербург, г Пушкин, Петербургское шоссе, д 10, (конференц-зал)

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Ленинградского государственного университета имени А С Пушкина

Автореферат разослан « ____ » _____ 2008 г

Ученый секретарь диссертационного совета,
кандидат культурологии, доцент

С С Миняйло

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования

Окружающий нас мир свидетельствует о том, что одновременно с глобальным развертыванием мирового рынка, факторы религиозного, этнического и культурного многообразия не только не теряют актуальности, но все больше и больше приобретают остроту. Несмотря на общеевропейскую тенденцию секуляризации социальных отношений, различные проявления общественной религиозности продолжают влиять на поведение людей и политику государств. Обострение религиозной ситуации в отдельных регионах мира зачастую приводит к социальным конфликтам и тяжелым общественным потрясениям. Очевидно, что специфика развития религиозной ситуации не может быть понята без изучения как факторов, влияющих на религиозность извне, так и обусловленных внутренней логикой развития религиозных процессов. Если первые факторы, представляющие область психологии и социологии религии, исследованы относительно неплохо, то закономерности вторых, проявляющиеся на дискурсном уровне и доступные дискурсу-анализу,¹ изучены еще недостаточно.

Между тем, методам дискурсу-анализа² в отечественном религиоведении не уделяется должное внимание, тогда как они позволяют анализировать такие особенности религиозных феноменов, которые проявляются преимущественно в области коммуникативных отношений. Строго говоря, само понятие «религиозная ситуация» включает в себя и область коммуникации, что позволяет факторы, влияющие на развитие религиозной ситуации, интерпретировать в семиотическом пространстве коммуникативного события. Прогнозирование динамики религиозной ситуации позволит избежать конфликтов на религиозной почве, которые все чаще приводят к эскалации насилия и социальным потрясениям. Но и подобные высшие точки накала религиозной ситуации могут и должны анализироваться с использованием методов семиотического исследования – поскольку для общества наиболее значимы именно такие проявления общественной религиозности, которые находят свое отражение в коммуникативной сфере.

Динамику религиозной ситуации можно прогнозировать на основе нарративных социологических исследований, однако ограниченность этого подхода обусловлена его методологической направленностью – данные методы не направлены на всестороннее изучение специфических особенностей

¹ Здесь и далее под религиозным дискурсом подразумевается языковая фиксация и передача религиозных представлений и учений.

² Дискурс-анализ — изучение особенностей коммуникативного феномена (в данном случае религии), которые обретают дискурсную фиксацию.

религиозного и не учитывают влияния процессов конфессионального дискурса, не имеющих социологического измерения Поэтому возникает необходимость комплексного исследования религиозного дискурса, что затруднительно в условиях современного состояния религиоведческой науки, не использующей методов, нацеленных на точное описание и изучение структурных особенностей религиозного пространства

Изучение семиотического пространства религиозного дискурса, кроме того, обладает актуальностью и как задача теоретического религиоведения Оно позволит совершенствовать религиоведческую интерпретацию концептов «религия», «теология», «сакральное», «тайнство», «синкретизм» и т.п., определить то концептуально-общее, что присуще большинству религиозных традиций, анализировать религиозные феномены в оригинальном контексте, описывать и анализировать его на основании использования точных критериев функционирования элементов религиозного дискурса, анализировать структурные связи на основании не только наблюдений, но и изучения

Цели и задачи исследования

Религиоведческое изучение семиотического пространства религии предполагает, прежде всего, анализ общих и конфессионально-обусловленных особенностей религиозного дискурса При этом необходимо исследовать его структуру и содержание, как с диахронических, так и с синхронических позиций Проводя такое исследование, необходимо учитывать то, что методы дискурс-анализа, разработанные преимущественно для решения филологических задач, изначально не ориентированы на решение задач религиоведческих Поэтому возникает необходимость адаптировать семиотический аппарат дискурс-анализа применительно к специфическим особенностям религиозного

Многообразие религиозных феноменов и традиций, различные, в т.ч. противоречивые формы и типы религий, множество подходов к описанию и изучению религиозных систем - все это в совокупности порождает сложности в определении предмета анализа, затрудняет (как концептуально, так и методологически) классификацию сущностных и вторичных признаков и свойств объекта исследования Поэтому целью данного исследования является разработка такого научного инструментария, который позволил бы составить цельное представление об исследуемом объекте вопреки постмодернистским концепциям фрагментации экзистенциального В связи с этим перед нами стояли следующие задачи

- Определить границы духовного и социо-культурного пространства религии как духовного феномена, проанализировать особенности терминологического значения базовых религиоведческих терминов,
- Обобщить существующие научные представления о религии как коммуникативной системе и сформировать семиотическую концепцию религии, позволяющую на концептуальном и методологическом уровне ис-

пользовать методы дискурс-анализа для решения религиоведческих задач, в т ч для изучения динамики развития религиозной ситуации,

- Проанализировать с использованием методов синхронического исследования семиотические особенности и закономерности, проявляющиеся в религиозном дискурсе на различных уровнях его развития – от дотеологических форм религии до развитых теологических религиозных систем, сравнив дискурсные особенности мифологемы и теологемы как способов передачи религиозного знания, определить семиотическую специфику «переходных форм»,
- Изучить, используя достаточно репрезентативный материал, дискурсные особенности религиозного, проявляющиеся в форме различных коммуникативных событий, имеющих религиозное содержание, выявить специфические особенности семантики, синтагматики и прагматики религиозной коммуникации,
- Изучить состояние современного русского религиозного дискурса, этапы его становления, разработать соответствующую методику, позволяющую осуществить переход от «методов наблюдения» к «методам научного анализа», провести анализ терминологической структуры русского религиозного дискурса, и представить философско-религиоведческую интерпретацию полученных результатов

Объект и предмет исследования

Объектом исследования выступает семиотическое пространство религиозного дискурса в его поликонфессиональном проявлении от мифологий и античного язычества до христианских конфессий, с привлечением религиозных текстов и других источников, относящихся к древнеегипетским верованиям, исламу и иудаизму

Предметом исследования является специфика семиотической организации религиозного дискурса, по-разному проявляющаяся в мифологии, дотеологических и теологических религиях, дискурсные особенности религиозных традиций, проявляющиеся в различных сферах религиозного праксиса

Особое внимание уделено анализу русской религиозной терминология XVIII-XX вв, и построенной на ее основе информационно-религиоведческой модели русского религиозного дискурса

Методологическая база исследования

Работа выполнена в рамках комплексного философского подхода к изучению специфики религиозного дискурса методы семиотического исследования, используемые автором, осмысленные с религиоведческих позиций, сочетаются с классической методологией сравнительно-исторического изучения религиозных феноменов Разработанные в рамках семиотического подхода концепция дискурс-анализа была адаптирована применительно к

специфике предмета исследования главным образом благодаря привлечению к анализу религии как социо-культурного феномена аппарата историко-семантического исследования Само исследование терминологической структуры современного состояния религиозного дискурса базируется на использовании авторской методики терминологического анализа с использованием в религиоведческих целях коэффициента конвергенции терминов и методов информационного моделирования сложных систем

Степень изученности проблемы

В рамках современного научного подхода к изучению, главным образом, социально-культурных явлений и процессов, дискурс понимается как важнейшая форма человеческого праксиса – коммуникативное событие, форма и содержание которого обусловлено как взаимодействием различных знаковых коммуникативных систем так и мировоззренческими установками его участников Современные методы изучения особенностей дискурсов на основе семиотического подхода сложились в значительной степени под влиянием работ Барта Р, Бахтина М, Бодрийера Ж, Брагиной Н Г, Делеза Ж, Деррида Ж, Лакеланда П, Лотмана Ю М, Фуко М, Хабермаса Ю, Эко У, Якобсона Р О и др Несмотря на то, что религиозный дискурс не выступал в качестве непосредственного предмета их исследований, перечисленные авторы создали необходимую концептуальную базу, на которой строится наша работа

Несмотря на то, что комплексное изучение особенностей религиозного дискурса до настоящего времени не проводилось, существует достаточное количество исследований отдельных элементов религиозного дискурса Существуют серьезные исследования мифологического дискурса, среди них необходимо упомянуть труды Барта Р, Вена П, Гайнеса И, Кессиди Ф Х, Кэмпбелла Дж, Леви-Стросса К, Лизска Дж, Лосева А Ф, Пятигорского А М, Фрайзена С, Элиаде М и др В этих исследованиях проанализированы различные мифологические традиции, определены основные свойства мифа и выявлены признаки мифологического мировосприятия Однако, в большинстве случаев мифологема рассматривается в современном религиоведении как самостоятельный культурно-литературный феномен, тогда как в религиозном дискурсе мифология зачастую вступает в соприкосновение с теологическими формами представления религиозного знания, образуя при этом сложные промежуточные формы религиозных текстов, находящиеся на границе мифологии/теологии Поэтому в рамках нашего исследования было необходимо не только обобщить имеющиеся исследования отдельных мифологических систем, но и дополнить их изучением мифологии как части религиозного дискурса, связанной генетическими связями с иными формами представления религиозного

Отдельные элементы религиозного дискурса изучены представителями структурно-антропологического подхода В нашем исследовании для определения дискурсных особенностей ранних форм религии мы обращались к

трудам Малиновского Б, Леви-Брюля Л, Леви-Стросса К, Линча Э, Рэдклифф-Брауна А

Представляет определенный интерес и исследования, проводимые в первой трети прошедшего века Институтом языка и мышления (СПб) Однако, учитывая концептуальные противоречия «яфетической теории», на которой базировался институт, данные результаты могут использоваться весьма ограничено

При изучении семиотических особенностей дискурсного представления религиозности, мы опирались на труды как светил русской философской мысли серебряного века – Бердяева Н А, Булгакова С Н, Трубецкого С Н, Флоренского П А, Эрнст В Ф - как и современных российских ученых Аверинцева С С, Бачинина В А, Гордиенко Н С, Гурко Е, Зеленина Д К, Петрова А В, Толстого Н И, Флоря Б Н, Фриауфа В А и зарубежных авторов – Баджа У, Ватса Дж, Виденгрена Г, Кассен Б, Китанова С, Кюмона Ф, Лане Д, Монтера У Фоссе Ш и др Сделанные ими наблюдения использованы в диссертации в качестве иллюстраций выявленных нами закономерностей развития религиозного дискурса и при религиозноведческой интерпретации результатов дискурс-анализа

При работе с русской религиозной терминологией XVIII-XX вв нами использованы достижения отечественной школы терминологических исследований, представленные в работах Герда А С, Головина Б Н, Караулова Ю А, Кобрин Р Ю, Прохоровой В Н, Филина Ф П, Хаютина А Д и др Используемые в диссертации методы терминологического моделирования дискурса основываются на разработанной ими научной концепции термина и его признаков, а также на математическом аппарате теории графов

Научная новизна исследования

Научная новизна проведенного исследования состоит в получении следующих результатов

- Проанализированы особенности религиозноведческого и теологического дискурсов, выявлены их содержательные и структурные отличия
- Концепция дискурса, которая ранее использовалась преимущественно в филологических и искусствоведческих целях, представлен как предмет религиозноведческого исследования, в ходе которого осуществлен семиотический анализ дискурсных особенностей религиозного феномена
- Разработана концепция освоения предметно-семиотического пространства религиозного дискурса, позволяющая не только изучать специфику отдельных проявлений религиозного, но и рассматривать религиозные феномены как особые коммуникативные события

- Проведено комплексное исследование религиозных феноменов с использованием семиотико-структуралистических методов, расширивших спектр научных подходов к изучению религии
- Представлены и проанализированы с использованием семиотических категорий формы дотеологической и теологической религий, выявлены дискурсные особенности мифологемы и теологемы как способов передачи и сохранения религиозной информации
- Проведено религиоведческое исследование особенностей функционирования и развития религиозной терминологии, влияющих на состояние религиозного дискурса и его динамику
- Проанализирована с религиоведческих позиций идеосемантика религиозного термина, специфика становления и эволюции русской религиозной терминологии

Научные результаты, полученные лично соискателем

- Показана и обосновано принципиальная возможность применения дискурс-анализа в религиоведении,
- Использован семиотико-структуралистский метод для анализа религии с религиоведческих позиций,
- Исследованы те атрибуты религиозных феноменов, которые проявляются в области коммуникативных отношений,
- Доказана перспективность интеграции (на концептуальном и методологических уровнях) семиотики и религиоведения, создающей оптимальные условия для комплексного изучения религиозных феноменов
- Разработана и апробирована методика предметно-терминологического анализа русской религиозной терминологии.
- Разработана структурная модель современного русского религиозного дискурса

На защиту выносятся следующие положения

1. Религиозный дискурс представляет собой совокупность коммуникативных действий или событий, направленных на передачу, сохранение и развитие религиозных представлений

2. Использование концепции религиозного дискурса и методов дискурс-анализа существенно обогащает современное религиоведение, выводя его на новый теоретический уровень и расширяя его познавательные возможности

3. Границы дискурса мифа проходят там же где и границы коммуникативной группы, в которой воспроизводится данный миф в качестве непосредственно-актуального действия

4 Теологическая религия отличается от мифологической тем, что стремится не только к конструированию дискурса, но и его упорядочению, структуризации того, что в мифе выступает как неразложимое целое

5 В условиях, когда религиозному образованию не уделяется должное внимание, в сознании верующих происходит интерпретация теологических постулатов в пространстве мифологическом - «мифологизация теологии»

6 При переходе от мифологичного сознания к теологическому пониманию религии формируются особые формы религиозного дискурса, включающие как реликтовый материал в виде мифологем, так и привнесенные и видоизмененные теологические взгляды, объединенные в рамках одной синтетической традиции, которая, представляется их носителям вполне органичной

7 Особенности интерпретации роли языка как инструмента теологического исследования в восточной и западной традиции, сложились как последовательное развитие теории Оригена на востоке и логики Оккама на Западе

8 Конфессионализация, произошедшая в результате Реформации, использовалась протестантами для очищения религиозного дискурса от мифологем, унаследованных от античности и развитых в эпоху Средних веков, однако этот процесс происходил параллельно с созданием новых мифологем, используемых для дискредитации оппонентов

9 Либерализм европейской церковности XIX-XX веков можно рассматривать как попытку преодоления своеобразных мифологем, развившихся в сфере конфессиональной теологии, т е тех тезисов протестантской теологии, которые от постоянных повторений (воспроизведений в рамках конфессионального дискурса) превратились в своего рода магические формулы, утратившие актуальное богословское содержание

10 Рецепция религиозным дискурсом гетерогенных терминов (заимствованных из иных религиозных традиций) в значительной степени обусловлено идеосемантическими трансформациями

Теоретическая значимость исследования

Предложенный подход к анализу религиозных феноменов позволит обогатить методологию религиоведческого исследования данными, полученными в результате изучения прагматики, семантики и синтагматики элементов религиозного дискурса, что, в свою очередь, способствует развитию наших представлений о специфике религиозного, более глубокому пониманию предмета религиоведческого анализа

Данное исследование позволит перевести дискуссию о преподавании теологии/религиоведения в светской школе в область научной (а не эмоционально-идеологической) полемики, поскольку оно создает необходимые условия для научного разграничения предметов и методов этих дисциплин, по-

звояет приблизиться к определению места теологии в метапарадигме научного знания

Практическая значимость исследования

Результаты данного исследования и, в частности, предложенная в третьей главе диссертации методы информационного моделирования религиозного дискурса, могут использоваться при проведении религиозоведческих экспертиз, для доказательства конфессиональной идентичности религиозных организаций. Кроме того, предложенные методы целесообразно использовать при решении задач изучения динамики развития различных научных дисциплин.

Результаты религиозоведческих исследований автора, обобщенные в настоящей диссертации, могут обогатить содержание лекций и учебных пособий учебных пособий по философским, культурологическим и религиозоведческим курсам, преподаваемым в высшей школе.

Апробация

Результаты исследований, обобщаемые в настоящей диссертации, были представлены для научного обсуждения на конференциях: Международном круглом столе «Терминология и перевод в политическом, экономическом и культурном сотрудничестве» (Омск, 1991), Межведомственной научно-теоретической конференции «Лингвистика: взаимодействие концепций и парадигм» (Харьков, 1991), Всероссийской конференции «Интеллектуальные информационные системы» (Воронеж, 2001), Международной конференции «Богословское образование 5» (Одесса, 2002), XII Международном конгрессе «Взаимодействие науки, философии и религии на рубеже тысячелетий: прошлое, настоящее, будущее» (С Петербург 2002), Научной конференции «Заокские чтения» (Заокский, 2002), Международных научных конференциях «Религиозная ситуация на северо-западе России и в странах Балтии» (С Петербург, 2002, 2005, 2006гг.), II Казанской научно-богословской конференции «Конец мировой истории и современное состояние общественного сознания» (Казань, 2003), Международной научной конференции «Понимание и рефлексия в образовании, культуре и коммуникации» (Тверь, 2006), Научно-практической конференции «Традиция веротерпимости в Санкт-Петербурге: история и современность» (С Петербург, 2007), Международной научной конференции «Философское наследие С Л Франка и современность» (Саратов, 2007), Международной научно-практической конференции «Значение педагогики для возрождения нравственных основ общества» (С Петербург, 2007), на двух международных семинарах в рамках исследовательской программы «The Authority of the Bible in the Life Church» Научно-

богословского департамента Всемирной Лютеранской Федерации (Женева, 2005 и Варшава 2006)

По материалам диссертации опубликованы две монографии, общим объемом 26,2 п.л., 7 статей в изданиях, входящих в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** разъясняется актуальность темы и ее значение для решения задач религиоведения, содержится постановка задач и описывается методология исследования

В первой главе «**Предметно-семиотическое пространство религиозного дискурса**» определяются базовые понятия и термины, анализируется развитие семиотической структуры религиозного дискурса в связи с развитием религиозных представлений от мифологической религиозности к теологическим религиям

В параграфе 1.1 **Предмет религиозного дискурса** обосновывается концепция религиозного дискурса как совокупности коммуникативных действий или событий, направленных на передачу, сохранение и развитие религиозных представлений

Религиозная вера не предполагает наличия обязательной классификации – парадигмы, четко упорядочивающей отношения между человеком, природой, сверхъестественным миром в виде иерархической системы, поэтому границы религиозного дискурса являются в значительной степени относительными

Только благодаря компаративному анализу можно если не определить структуру понятия религии, то, по крайней мере, обозначить концептуальные границы, поскольку теоретическое изучение религии не концентрируется на опыте отдельного человека, или отдельной общности людей (более или менее устойчивой коммуникативной группы), но стремится к выявлению того общего, которое представлено в различных религиозных традициях. При семиотическом подходе к определению объема понятия «религия», религия предстает как код, (особый, не сводимый к вербальному, язык), обеспечивающий коммуникацию между человеком и миром *sacrum'a*, принципы общения между человечеством и божеством. Семиотический подход к изучению религии в значительной степени основывается на разработках Фердинанда де Соссюра, который создал концептуальные основания для анализа языка как знаковой системы, обеспечивающей коммуникативные процессы. Плодотворность применения идей Соссюра для изучения религии в настоящее время доказана ведущими отечественными религиоведами, поскольку

семиотический подход позволяет анализировать религиозные традиции с достаточной степенью абстрагирования от тех частных особенностей, которые препятствуют построению общеконцептуального определения религии

Реализация семиотического подхода к изучению дискурсивных особенностей религии позволяет нам высказать предположение о характере коммуникационной интенции языка религии – данная интенция предстает как дихотомическое единство отношений между человеком и человеком (людьми, социумом) и человеком (социумом) и высшим миром. При этом основой этой коммуникации являются отношения любви и страха, восходящие к новозаветной теологии, представленной в Мф 22 40, согласно которой вся религия Ветхого завета утверждается на заповеди любви к Богу и заповеди любви к ближнему. Однако следует учитывать, что собственно социальный аспект этой коммуникации вторичен – вне связи с коммуникативными отношениями с высшим миром, социальный аспект, рассматриваемый автономно, не создает религии – иначе нам пришлось бы распространить понятие религиозного на все проявления человеческой коммуникации, что, очевидно, бессмысленно. Прежде всего, в основе религии лежит именно коммуникация с миром *sacrum*'а, (осуществляемая посредством специального кода) хотя она и проявляется в социальной плоскости.

Упорядочение элементов этого кода, приведение их в систему, которая включает помимо исходного материала и результаты спекулятивных рассуждений, что наблюдается в большинстве развитых религиозных традиций как прошлого, так и настоящего, относится уже к области не религиозного вообще, но теологического.

Параграф 1 2 Семиотические особенности дискурсов мифологической и теологической религиозности обобщает проведенные нами исследования, которые показали, что в мифологическом повествовании прагматика коммуникативного действия раскрывается в ином контексте, нежели при бытовой коммуникации, а само мифологическое повествование не столько выступает в качестве аргумента, (хотя и это возможно) используемого для решения задачи коммуникации непосредственно, сколько достигает поставленной цели опосредованно, через формирование новой или консервацию существующей коммуникативной группы, в которой принятие участниками коммуникации содержание мифа создает условие для их вхождения в единый культурно-религиозный контекст. Границы дискурса мифа проходят там же где и границы коммуникативной группы, в которой воспроизводится данный миф в качестве непосредственно-актуального действия (в т ч и прежде всего - речевого). Данное свойство мифа позволяет определить миф как актуальное коммуникативное событие.

Очевидно, что мифологическая культура не способна ни образовывать теологические понятия, ни оперировать заимствованными из иных культур теологемами, - ее дискурсивные особенности раскрываются в иной прагматической плоскости. По этой же причине к теологии нельзя отнести агиографическую литературу, поскольку она не преследует цели систематизированного догматического изложения знаний о божестве, но строит свое повествование

в рамках литературного сюжета, говоря о последовательности событий, происходящих с конкретными людьми, и соединенных единством действия и (или) героев

Семиотический подход к изучению пространства мифа базируется на тезисе Р Барта о том что миф – это коммуникативная система, сообщение, содержание которого может быть в принципе каким угодно Коль скоро миф это форма повествования о чем либо, оценка мифа как такового с точки зрения его достоверности лишена смысла

Особенностью мифологического повествования является особая парадигма времени, используемая в мифологическом дискурсе, - мифологическое прошлое не соотносится с историческим прошлым, и даже если существуют определенные пересечения этих временных шкал, то это не дает возможности соотнести время историческое и время мифологическое

Даже когда в мифологический дискурс вплетаются исторические события, это еще не может быть основанием для того, чтобы наложить шкалу мифологического времени ни шкалу времени исторического Представляется, что перед нами некоторый семиотический вариант того, что в семантике соответствует явлению распада полисемии, приводящему к образованию омонимов Иными словами, одно и то же событие, описанное в мифе и представленное в истории, несмотря на сходство сюжета, совпадение географических реалий, единство действующих лиц, и прочие сходства, могут оказаться «двумя событиями», «событийными омонимами» Более того, можно предположить, что особенностью мифологического мировосприятия является то, что хронотоп мифа обретает способность вариативного распространения на ряд (не только мифологических) событий, при сохранении мифологического содержания, заключенного в конкретном мифологическом сюжете

Именно с обобщения (абстрагирования от сюжетной канвы), с выхода за границу мифологического дискурса, носящего хронотопно-актуальный характер, началась теология как преодоление ограниченности мифологического мировосприятия Теологическое мировосприятие стремится не только к конструированию дискурса, но и его упорядочению, структуризации того, что в мифе выступает как неразложимое целое Сюжет в мифе выполняет те же функции, что и структура понятий в теологеме

Начало продолжающейся до настоящего времени полемики о сущности богословия восходит ко времени античности Разработанная Аристотелем концепция теологии включает как метафизику вообще, так и учение о сущности (природе) божественного

Миф вариативен, тогда как теологическое знание носит априорно нормативный характер Разумеется, нормативность теологии не ограничивает дискурс теологии какой-то одной школой или направлением, равно как и богословские оценки, делаемые с позиции одной из богословских школ, для данного исследования имеют только относительный интерес

Отличие теологемы от дотеологических форм осмысления религиозной веры заключается не в глубине и степени проработки этико-богословских во-

просов, но в самом подходе к их решению, это не количественные, но именно качественные отличия

Параграф 13 **Мифологема в пространстве теологического дискурса** обосновывает концепцию, согласно которой теология является более поздней формой выражения религиозного знания, приходящей на смену мифологической религиозности, например, в результате принятия языческим обществом религии откровения, при этом переход от мифологии к теологии (как правило) осуществляется не в рамках существовавшей ранее религиозной традиции, но приводит к смене религии – общество начинает жить в соответствии с новыми для него религиозными представлениями, а не модифицирует существующие. Разумеется, развитие религии зависит от развития культуры и цивилизации, но эта зависимость не является линейной. Так, миссионерское развитие религии на примере христианства показывает, что принятие христианства народами, находящимися на ранней стадии культурного развития, возможно, но переход от мифологического сознания к теологическому пониманию религии в этих условиях может затянуться на столетия и породить формы религиозного синкретизма. При этом формируются особые формы религиозного (конфессионального) дискурса, включающие как реликтовый материал в виде мифологем, так и привнесенные и видоизмененные теологические взгляды, которые объединяются в рамках одной синтетической традиции, которая, впрочем, представляется их носителям вполне органичной.

Выработка конфессионального кода зачастую сопровождается тем, что лежащие в его основе теологические постулаты трансформируются на бытовом уровне в набор мифологем, зачастую нелепых и противоречивых, но способных вытеснить теологический компонент из дискурса народной религии. С другой стороны, границы конфессиональной идентичности не тождественны границам использования конфессионального кода. Например, традиционно выделяемый главный обрядовый отличительный признак старообрядчества – *дв оеперстие*, бывший, во многих случаях единственным, что связывало обычного верующего со «старым обрядом», зачастую не нес нагрузки признака конфессиональной идентичности. Сам по себе факт использование отдельных особенностей обрядовой практики, даже и осуждаемых господствующим исповеданием, еще не создает отдельной коммуникативной группы. Для создания такой коммуникативной группы необходимо осознанное вхождение в отдельный религиозный дискурс, или, по крайней мере – выход за пределы существующего универсального (или стремящегося к универсализму) дискурса государственного исповедания.

Конфессионализация, произошедшая в результате Реформации, использовалась протестантами для очищения религиозного дискурса от мифологем, унаследованных от античности и развитых в эпоху Средних веков, однако этот процесс происходил параллельно с созданием новых мифологем, используемых для дискредитации оппонентов. Этот же метод использовали и католики: противостояние дискурсов католицизма и протестантизма осуществлялось как на теологическом уровне, так и в области мифологем, демонизирующих оппонентов. Использование мифологем, демонизирующих образ

религиозных диссидентов, используется различными религиями независимо от уровня их теологичности. Так, в античную эпоху, данный метод использовался против иудеев и позднее – против христиан, которых носители традиционной античной языческой религии воспринимали как религиозных диссидентов. В средние века он использовался для дискредитации евреев, в форме печально известного «кровавого навета», который обладает всеми чертами мифологемы. При этом знаменитое *дело Бейлиса* показывает живучесть подобных негативных мифологем и их принципиальную приемлемость для общества, укорененного в дискурсе теологической религии. Применительно к настоящему времени можно привести примеры использования подобных средств для создания негативного (демонизированного) образа «сектанта».

Либерализм европейской церковности XIX-XX веков тоже можно рассматривать как попытку преодоления своеобразных мифологем, развившихся в сфере конфессиональной теологии, т.е. тех тезисов протестантской теологии, которые от постоянных повторений (воспроизведений в рамках конфессионального дискурса) превратились в своего рода магические формулы, утратившие в секулярном, но продолжающем консервировать религиозные традиции как часть «национальной культуры», обществе актуальное богословское содержание *sola fide, sola scriptura, justificatio, conversio, donatio fide etc* (только вера, только Писание, оправдание, обращение, дарование веры – базовые термины протестантского дискурса).

Поскольку в основе Реформации был герменевтический принцип толкования Писания, преследующий цель очищения христианства от средневековых мифологем, то он (и сделанные на его основе «открытия») и был положен в основание конфессиональных границ протестантского мира. Либерализм начался с ревизии роли Библии в жизни отдельных верующих и их сообществ – прихода, города, христианской нации, поскольку традиционное протестантское представление о ясности, достаточности и непротиворечивости Библии на фоне существенного развития науки в XIXв рядом теологов начало трактоваться как «мифологическое». Бультмановский призыв к «демифологизации Евангелия» был направлен не столько против Откровения, сколько против протестантских стереотипов, требовавших к себе, подобно мифу, не критического отношения. Разумеется, борьба с «протестантской теологизированной мифологией» не ставила целью возвращения к средневековому католическому преданию, которое воспринималось в рамках нового дискурса либерального богословия не менее критически.

Исторический материал дает нам право считать, что мифологема может сосуществовать с теологемой в рамках одного дискурса, поскольку данные формы организации религиозных представлений обладают различным семантическим и прагматическим значением.

Параграф 1.4 Религиоведение и теология: дискурс-анализ посвящен анализу структурных отличий теологического и религиоведческого дискурсов.

Термины «теология» и «религиоведение» принадлежат различным курсам, а существующие между ними различия представляются нам несущими не столько «формальный», сколько структурный характер. Дискурс теологии теоцентричен по преимуществу, хотя в настоящее время в рамках либерализации теологии и совершаются попытки рассматривать в качестве такого центра не Бога как источник всего актуального бытия, но человека как носителя суммы гражданских, политических и подобных прав, которым приписывается тем самым объективная ценность. В любом случае, концепция теологии предполагает существование центрованной понятийной структуры, центр которой или находится в ней самой, или посредством нечто действует внутри этой структуры, то есть действительно представлен в ее отношении.

Разрушение такого центра не только неизбежно приводит к распаду теологии как системы, но и лишает существование теологии как науки всякого смысла - необходимости.

Так как человек есть «человек религиозный», то и теология-религия так или иначе представлена в человеческой природе. Поэтому в противопоставлении природа/культура религия, как это ни покажется парадоксально, должна быть сопоставлена со сферой «природного» - универсального. Но, вместе с тем, поскольку религия нормирует человеческое поведение, она не может быть полностью исключена из сферы культурно-относительного. И здесь мы имеем место с тем же противоречием, с которым столкнулся Леви-Стросс, когда был вынужден признать, что практика запрета инцеста включает в себя и универсальность, и нормативность. Ж. Деррида рассматривает это противоречие как внутрисистемное и делает акцент на природе этого запрета. Мы же доказываем, что данное противоречие не является чем-то исключительным, более того, оно – частное проявление универсальности и нормативности, присущее религиозному поведению. Относясь к сфере универсального, религия формирует культуру, и именно поэтому религиозному (теологическому) свойственны и универсальность, и нормативность.

В современном мире, живущем стереотипами конца XX века, сильны тенденции противопоставлять сферу религиозного сфере научного познания мира и отводить религиозному свою нишу в запутанном лабиринте культурных парадигм.

Одновременно с этим на Западе происходит стирание границ между теологией и религиоведением уже на протяжении многих десятилетий. Так, в рамках теологических факультетов западных университетов сейчас достаточно сложно разграничить теологию и религиоведение в формате лекционных курсов. Возможно, корень этого – в не до конца разрешенных методических проблемах, связанных с классификацией теологических дисциплин, принятых на Западе. Следует учитывать то, что при создании этих классификаций руководствовались чисто практическими соображениями – удобством преподавания, при этом межпредметные связи учитывались в той лишь степени, в которой это способствовало достижению дидактических целей.

Поскольку структурные связи внутри блока теологических дисциплин никогда не были сильны, отдельные теологические дисциплины стали пре-

тендовать на то, чтобы выступать от имени «всей теологии» Ослабление этих связей сделало возможным спекулятивное манипулирование центром структуры, что проявилось в форме различных либеральных интерпретаций теологий XIX века, например, в попытке «демифологизации Евангелия», либеральной герменевтики и т. д. Возможно, здесь и началось сближение теологии и религиоведения

Для понимания сущности глубинных отношений между теологией и религиоведением следует обратить внимание на то, как этим наукам свойственно интерпретировать факты и явления (процессы) Карло Гинзбург справедливо отмечает необходимость ограничивать научные исследования и идеологически мотивированные утверждения, поскольку это позволяет использовать конкретные исследования в перспективе, отличной от той, в которой они создавались. Очевидно, существует необходимость анализа идеологических установок, которые априорно присущи теологическому и религиоведческому дискурсам

Концептуальной основой второй главы «**Религиоведческий анализ семнотических особенностей дискурсного представления религиозности**» является интерпретация религии как сложного семиотического объекта, поскольку, затрагивая многие уровни и горизонталы коммуникации, религия является системой кодов, обеспечивающей различные векторы коммуникации. Этот тезис методологически обосновывает правомерность изучения прагматики, семантики и синтаксиса (в семиотическом понимании) таинства (высшая форма сакральной коммуникации), откровения (сакральная эксклюзивная коммуникация с односторонней направленностью вектора коммуникационной интенции от *sacrum* к отдельно избранному человеку), и области социальной коммуникации, которая проявляется в результате вовлечения религиозных организаций в общественные процессы

Параграф 2.1 **Семиотика имени в религиозных и гностических традициях** обосновывает представление о том, что мистическая интерпретация семиотических процессов, которыми сопровождается образование имени и его функционирование в пространстве религиозного дискурса – гносеологическое свойство большинства религиозных традиций

Терминологизация отличается от имянаречения тем, что предполагает более высокую степень абстрагирования, иную трактовку *случайного* и *незначимого*, так как для терминологизации принципиально важное значение имеет наличие родовых, а не индивидуальных характеристик

В теологическом дискурсе имя выступает в качестве символа, преодолевая ограниченность знака, оно не просто является атрибутом бытия, но и может быть формой существования. Нам представляется, что именно априорный символизм, присущий имени в рамках того дискурса, в котором оно воспроизводится, способствовал тому, что в различных религиозных традициях сформировались представления об особом мистико-магическом могуществе божественных имен. Причем, зародившись в рамках дискурсов ранних религий, эти представления практически повсеместно способствовали

развитию особых мистических учений, вероятно, что именно символизм имени привносит мистику в религиозный дискурс. Известно, что вера в особое могущество имени бога (*тетраграмматон*) породила особые мистические течения в иудаизме, зачастую далеко уклоняющиеся от ортодоксальности. Магическое восприятие имени бога проявилось в иудейской мистической традиции как вера в то, что через «созерцание Божественных имен» можно получить особое знание – это знание магическое, «освященная форма магии, развязывающая невероятные силы, заключенные в именах». Представления о могуществе имени бога известны и Исламу. В Коране говорится о «прекрасных именах Аллаха» (Коран, 7,180) и содержится призыв к верующим произносить имя Аллаха. Комментаторы Корана составили список из 99 имен Аллаха, большинство которых являются атрибутивными.

Учение об именах бога является специальным вопросом теологии. Уже в эпоху античного христианства возникли споры и разногласия по данному вопросу, в частности, связанные с развитием гностических учений, в которых развивались взгляды об изначальном единстве Мысли и Имени, т.е. не только отрицалась возможность систематического богословия (все богословие по этой доктрине должно быть именно мистическим богословием, терминологизация богословского понятия крайне затруднена, если между означаемым и означающим установлено тождество) но и предполагалось, что термин уже априорно мистичен, а следовательно его место в логичной парадигме знания не может быть установлено методами логики. Создается новая когнитивная модель, согласно которой любая мысль – априорно мысль изреченная, а поскольку между интуицией, знанием и термином стираются существенные границы – очевидно, что в рамках этой модели познание невозможно представить себе как независимый процесс – оно всегда есть только лишь результат обладания гнозисом и всегда тождественно ему.

В религиозном дискурсе, равно как и в научном, познание немислимо без наименования, а поскольку акт познания совершается в форме суждения, он предполагает вербальную фиксацию познаваемого объекта. Однако, в теологическом дискурсе, начиная с Оригена, имена не только представляют или имитируют объект, но и указывают на его самое глубокое содержание, определяют его природу. Невозможность эмпирической проверки делает богословское понятие и соответствующий термин предметами особого внимания верующих, – так дорожит верующий своеобразным «мостом», связующим его с сверхчувственным миром.

Проблема о внутренних и внешних коннотациях религиозного термина особенно актуальная для восточного богословия, была озвучена богословами уже в период патристики. В двадцатом веке она заново обрела актуальность в связи с афонской полемикой об именах божиих, в которую были вовлечены Св. Синод Российской Православной церкви и ряд крупных российских theologов и философов. Нам представляется, что теологическая проблема, приведшая в этой полемике и позволяющая определить некоторые особенности языка как инструмента построения теологического дискурса, коренится в

теологии Оригена, влияние которого на восточнославянские теологические традиции зачастую преуменьшается исследователями

Возможно, особенности интерпретации роли языка как инструмента теологического исследования в восточной и западной традиции, сложились как последовательное развитие теории Оригена на востоке и логики Оккама на Западе. Это противоречие можно свести к противопоставлению мистического и логического начал в теологии.

Параграф 2.2. Семнотика социальных проявлений религии основывается на понятии «конфессионализация», которая понимается как коренная перестройка социально-политической структуры общества, обусловленная распадом религиозного универсализма.

Конфессионализация происходит тогда, когда разрушается религиозный универсализм, но только в том случае, если конфессиональная граница разделяет части одного государства. Возникновение малочисленных сект, естественно, не приводит к значительным социальным потрясениям, равно как такое не наблюдается в случае, если новые конфессиональные границы совпадают с границами государств – в рамках одной страны сохраняется единая религиозная идентичность.

Развитие христианства на северо-западе (прежде всего – в протестантских странах) иногда иллюстрируют следующей схемой: Ортодоксия – Рационализм – Пиетизм – Либерализм – Экуменизм (с различными вариациями). Ошибкой данной схемы является даже не то, что обозначенные как последовательно сменявшие друг друга этапы часто существовали параллельно, причем достаточно длительное время, испытывая взаимовлияние. Каждая схема имеет право на некоторое упрощение. Главная ошибка, по нашему мнению, состоит в том, что данная схема отражает не логику естественного (т.е. обусловленного внутрицерковными процессами) развития церковной жизни, но вынужденную реакцию церкви на привнесенные извне в ее жизнь чуждые тенденции и взгляды.

Концепция глобализации не стала логическим развитием постмодерна, но явилась по сути его радикальным переосмыслением. Нельзя игнорировать тот факт, что постмодерн, как социокультурная парадигма, не оправдал возлагаемые на него ожидания ни в сфере развития науки, ни творчества, ни создания этических ценностей, ни в сфере построения общества социальной стабильности.

Расцвет активности экуменических организаций, совпавший с развитием процессов глобализма в современном мире, позволил некоторым исследователям говорить об экуменизме как проявлении глобалистских тенденций в религиозной сфере, и, несмотря на то, что сам феномен современного экуменизма значительно старше концепции глобализации и является все-таки явлением церковной, а не социальной истории, с этим наблюдением можно согласиться. Действительно, именно глобализация, создавшая предпосылки для выработки нового понимания устоявшихся концептов государства, нации и т.д. способствовала заострению социальной проблематики в программных документах экуменических организаций, от которой, в принципе, экумениче-

ское движение никогда не было свободным. Тем не менее, в условиях глобализации всякий «бюрократический экуменизм» обречен быть невостребованным как церквями, так и сильными мира сего, поскольку с одной стороны – утрачивает духовное содержание, а с другой стороны – остается чуждым «метафизики мирового рынка»

Отметим интересную особенность – можно было бы предположить, что после горбачевской перестройки и начавшегося в России построения капиталистического общества, экуменическое движение должно утратить интерес к левым общественно-политическим взглядам, которые ранее приносились в этот дискурс представителями церкви социалистических стран. Однако на практике это не происходит – в резолюциях экуменических конференций все более и более остро звучит критика социальной несправедливости, осуждаются действия американских властей, направленные на установление однополюсного мира, звучат требования прощения долгов странам третьего мира, осуждаются действия правительства Израиля, направленные на сегрегацию арабо-палестинского населения.

Проблема взаимоотношения классических богословских парадигм и теологии социальной практики обострилась в европейском богословском дискурсе после эпохи Просвещения.

Путь классического богословия предполагал, прежде всего, рецепцию предшествовавшей традиции, ее интеллектуальное развитие и совершенствование в новых условиях, но все предполагаемые желательные результаты ожидалось преимущественно в области конструирования концепций и парадигм. Развитие богословия предполагалось именно как теоретическое развитие – изменяется концепция, интеллектуальная реакция на традицию и сама традиция, в той степени, в которой она относится к области теоретических построений. Не только социальная активность церкви минимальна, но и в самой сущности церковных институтов предполагается стабильность. Так, например, быстро сформировавшаяся протестантская теологическая традиция в области экклезиологии оказалась не менее устойчивой и консервативной, нежели пост-тридентский католицизм. Задача богословия здесь воспринимается как поддержание веры христианского сообщества, которое обеспечивает целостность этой традиции.

Христианский аристотелизм, нашедший свое наивысшее выражение в западных схоластических традициях, но переживший схоластику и расцветший новым цветением в неортодоксии (и других теологических парадигмах нового времени), основывается на созерцательном способе миропознания, это путь умозрительной онтологии, основанный на концепции разумности и упорядоченности тварного универсума. Аристотель философствует из-за потребности поиска интеллектуального объяснения закономерностей космоса и желания приспособить существование человека к универсальным действующим закономерностям. Интеллект, согласно этому пути, постигает мир, рассматривая его ментальные отражения, а упорядоченность «естественного состояния», в котором пребывает мир, обосновывает этот путь познания. Если Аристотель не видит необходимости в действенном изменении мира, то Ге-

гель и Маркс исходят из того, что мир несовершенен, в нем «почти все неправильно» и должно быть преобразовано, изменено, должно быть *aufgehoben*. Для этого недостаточно одной лишь теоретической «концептуальной» революции/реформации, но именно только практическое действие может привести к желаемому результату. По сути, данная смена парадигм оказалась результатом нового осмысления диалектического единства теории/практики в *практике* XIX века. Разумеется, от влияния «новой гносеологии» не могло быть свободным и богословие. В итоге теология практики стала естественной реакцией части западного христианства на обострившийся кризис теоретического классического богословия, которое со времен Шлейермахера все более и более утопало в теоретических спекуляциях. Конфликт между созерцательным путем (который с некоторыми оговорками можно определить как христианский аристотелизм) и путем активного социального действия, который сформировался во многом под влиянием социальной философии Маркса и Хабермаса, обрел форму противостояния двух теологических парадигм – классической теологии и теологии практики.

Современный западно-церковный либерализм стал естественным результатом развития тех процессов, начало которым положила европейская конфессионализация, ставшая следствием (или скорее – побочным продуктом) Реформации.

В параграфе 2.3 **Семиотические особенности ритуального комплекса**, автор доказывает, что если согласно нашему подходу религия является особой формой коммуникации, то таинство составляет сакральный центр этой коммуникации, поскольку так или иначе оно направлено на достижение «единства с божественным здесь и потом».

Приведенный выше тезис о том, что таинство является особой (наиболее сакральной) формой религиозной коммуникации, позволяет рассматривать взаимосвязь семантики, синтаксиса и прагматики этой коммуникации для объяснения особой значимости данной формы коммуникации для деятельности религиозных институтов.

Синтаксис коммуникации в данном случае представляет собой последовательность ритуальных действий, необходимых для совершения ритуала таинства – это в большинстве христианских установленная, устойчивая последовательность литургических текстов (молитв, чтений и поучений) и ритуальных действий. Несмотря на то, что не все элементы обряда обладают равной сакраментальной ценностью, следует отметить, что как таковой синтаксис таинства обладает жесткой схемой, которую принципальные традиции предписывают тщательно сохранять без сколько-нибудь принципиальных отступлений, поскольку именно синтаксис таинства в восприятии верующих зачастую выступает в качестве *таинства как такового* - именно он воспринимается и оценивается ими.

Семантика таинства относится главным образом к сфере литургической теологии. Значение символов – элементов литургического языка (а сюда входят не только литургические тексты в узком смысле термина – молитвы, песнопения, библейские чтения, формулы благословения и т.п. но и

предметы богослужбной утвари, облачения духовенства, возможно – само храмовое пространство) не сводимо к их literalному (для текстов) и функциональному (для всего прочего) значению. Значение литургического текста зачастую имеет особое аллегорическое значение, которое базируется (иногда неявно) на его literalном смысле. Так, например, значение чтения Шестопсалмия в начале православного утреннего богослужения не сводится к содержанию читаемых псалмов (3, 37, 62, 87, 102 и 142 Пс). Данная часть богослужения аллегорически означает, помимо «изображения греховного состояния, грозящих нам от множества врагов опасностей и надежды на милосердие Божие», также и «мрак ночи, когда Вифлеемские пастыри после светлого явления ангелов шли на поклонение рожденному Богомладенцу». Если первое значение еще можно вывести из содержания читаемых псалмов, то второе уже всецело находится в области аллегорической герменевтики. Особенностью семантики таинства как богослужбного ритуала восточной традиции является то, что отношения между различными значениями элементов этого языка не может быть сведено к какой-либо схеме, наподобие западно-средневековой экзегетической «Квадриги».

Происхождение этих «смыслов» коренится глубоко в недрах традиции и их происхождение зачастую не может быть определено на основании методов рационального исследования. Вопрос о том, «почему традиция мистического прочтения символа в рамках литургического богословия сложилась именно так, как она сложилась?» не может быть решен методами религиозоведческого исследования. Для этого необходимо принадлежать в соответствующей традиции, интуитивно чувствовать «металогика» ее развития. Отметим, что «народная вера» зачастую формирует собственную семантику литургической коммуникации, по крайней мере мистико-аллегорическое понимание соответствующих символов, которое предлагается официальным богословием, но зачастую оказывается невостребованным народным сознанием, которое моделирует собственную семантику обряда исходя из реалий мифологического (или переходного) восприятия мира и религиозных постулатов.

Прагматика таинства базируются на самовосприятии верующего человека, который ощущает не просто желательность подобной помощи, но осознает ее исключительную необходимость, и обращается для ее получения к форме символического обряда, поскольку «в знаке, символизме и драматическом ритуале воплощены единственно доступные средства для внешнего выражения внутреннего стремления соединиться с божеством». Собственно в этом и заключается прагматика таинства как коммуникативного события.

Параграф 2.4 **Семiotика Откровения как предмет религиоведческого исследования** посвящен анализу дискурсных особенностей пророческих текстов и практик, присутствующих в различных религиозных традициях. Поскольку пророчество является сложным религиозным феноменом, практические все религиозны традиции, знакомые с ним, были вынуждены разработать механизм оценивания пророчеств с точки зрения истинности/ложности.

Данный вопрос породил религиозно-философскую литературу уже в эпоху античности. Весьма скептично оценивал античный пророческий опыт Цицерон. И, хотя и языческие античные пророчества, и пророчества библейские, имеют черты определенного формального сходства – например, вектор пророческой интенции устремлен в будущее, а само пророчество зачастую раскрывается в эсхатологической перспективе, – между ними существует принципиальное различие. Поскольку пророчество всегда включено в общий религиозный контекст и не мыслится вне его, библейские и внебиблейские пророчества различаются именно контекстуальными противоречиями языческого и библейского дискурсов.

Традиционное монотеистическое представление о сути пророческого откровения базируется на *особом решении* вопроса об авторстве пророческого сообщения. Вопрос об авторстве Библии, если он решается в рамках христианской парадигмы, по сути является теологическим вопросом о том, до какой степени человеческие авторы библейских текстов были свободны в подборе языковых (текстуальных) форм и способов изложения мысли как на грамматическом и семантическом уровне, так и в использовании форм образно-поэтической речи – метафор, метонимий и т. д.

Все существующие концепции об отношении откровения к человеческому авторству библейских книг несут отпечаток соответствующего времени их разработки. Они не только глубоко укоренены в богословско-полюемическом контексте своего времени, но и являются его частью. Соответственно – все они *a priori* несут в себе концептуальные ограничения как памятники религиозно-философской мысли и, будучи контекстуально обусловленными, при изменении контекста утрачивают актуальность, так как появляются новые вопросы, ответить на которые они не способны.

Разрешение этих сложностей невозможно без концептуальной основы, именно поэтому религиозные традиции предпочитают не рассматривать отдельные проявления пророчества вне общей концепции откровения, которая позволяет не только интерпретировать содержание пророчеств в общем религиозно-конфессиональном дискурсе, но и оценивать их.

При рассмотрении качественных особенностей откровения, являющегося частью различных религиозных традиций, и соответственно различно интерпретируемого в них, различия между христианскими и античным языческим дискурсами, можно провести исходя из того, что христианство позиционирует себя как религию высшего и универсального откровения. Откровение формирует христианский дискурс как его постоянную контекстную актуализацию. И христианские и древние дискурсы развиваются в историческом и социальном контексте, однако преимущественно христианский

имеет эсхатологическое измерение. Временные и вечные аспекты соединяются в христианском откровении, так как они подразумевают эсхатологическое завершение создания и направлены в царство будущего века. Таким образом христианский дискурс реализуется во временном (хлеб наш насущный дай нам на сей день) и вечном (да придет Царствие Твое). В тексте Септуагинты термин *προφήται* используется как для обозначения библейских, так и языческих пророков. Очевидно, отсутствие терминологической дифференциации связано с тем, что изначально данный термин был связан именно с языческими культами, и переводчики Септуагинты сочли возможным использовать его для обозначения как библейского пророчества, так и тех практик, которые в тексте представлены как одиозные и предосудительные. По данным словаря Киттеля, первое употребление данной лексики восходит к V веку до Р.Х. и связано с оракулом Зевса Дононского³. В соответствии с традицией употребления термина, которая была связана непосредственно с язычески культом, переводчики Септуагинты используют этот термин для обозначения языческих ритуальных практик. Например, в Иер 23 13 где словоформы от *προφήτης* используются для обозначения пророков Ваала. Термина *δαίμωνες* язык Септуагинты не знает вообще. Для обозначения языческих пророчеств и вообще всех небиблейских пророческих практик иногда используются словоформы от *ἑυαστρίμωνος* например в Ис 44 25. Иногда используется *ψευδοπροφήται*, (лжепророки) но это скорее исключение, обусловленное особенностью контекста, который исключает использование лексики *προφήται* (пророки), поскольку иначе возникает неясность вплоть до полного искажения смысла интенции - *καὶ τοὺς ψευδοπροφῆτας καὶ τὸ πνεῦμα τὸ ἀκάθαρτον ἐξαρῶ ἀπὸ τῆς γῆς* (и лжепророков, и духа нечистого уберу с земли) в тексте Зах 13 2.

В библейском дискурсе пророчества всегда имеют духовный компонент значения, они требуют от человека определенного поведения, необходимость которого может быть понята только с учетом духовных требований закона Ветхого завета. Однако что именно формирует основные черты библейского дискурса? Поскольку Библия является текстом, написанном на естественном историческом языке, при ответе на данный вопрос невозможно не учитывать одно из основных положений семиотики о единстве формы и содержания символа, а сам символ (как искусственный знак) может образовываться только через диалектическое соединение изображаемого и изображающего. И, несмотря на то, что данное единение формы и содержание знака носит субъективный характер, т.е. не существует вне человеческого сознания, знак как таковой обладает бытием и единством.

Ортодоксальный взгляд на историю, как это предполагает принцип религиозной истины, состоит в том, что передача древних традиций современному миру, в принципе возможна. В строгом смысле этого слова, открытие религиозной истины в истории не предполагает исторических нововведений,

³ Theological Dictionary of the New Testament. Ed. Kittel G., Friedrich G. Vol. VI, Eerdmans PC, 1968, P. 785.

а развитие традиции не предполагает обязательной модификации существующих религиозных вероучений и культовых практик Развитие религиозной традиции предполагает, прежде всего, идентичную передачу и усвоение вероучительных постулатов, норм религиозного поведения, всего выработанного предшествующими поколениями верующих конфессионального кода Видоизменение всего этого допустимо до той степени, до которой сохраняется единство конфессионального дискурса, т е всякое религиозное «новаторство», при желании сохранения единства религиозной традиции, ограничивается дискурсными границами существующей религии.

Третья глава – «**Терминология как инструмент религиоведческого анализа структуры религиозного дискурса**» решает задачу информационно-религиоведческого моделирования русского религиозного дискурса на основе терминологических исследований, выполненных автором

Параграф 3.1. Философские и семиотические концепции религиозного термина создает концептуально-методологические основания для информационного моделирования терминологической структуры религиозного дискурса

В настоящее время «термин» понимается главным образом как слово в особой функции – наименовании специального или специализированного понятия Современные концепции терминологии позволяют рассматривать в качестве терминологических общностей совокупность слов, используемых для обозначения религиозных феноменов, ритуальных практик, религиозных вероучительных постулатов и т д. в том случае, если они обозначают специальное понятие

Соотнесенность термина с общественной сферой человеческой деятельности позволяет раскрыть значение феномена (в данном случае религиоведческого) в свете его общественной значимости, однако вероятно, что термины не только описывают понятия, выработанные общественным сознанием, но и испытывают на себе значительное влияние последнего Влияние идеосемантических процессов на становление религиозных дискурсов до настоящего времени не изучено В качестве предварительного предположения можно выдвинуть тезис, что рецепция религиозным дискурсом гетерогенных терминов (заимствованных из иных религиозных традиций) в значительной степени обусловлено идеосемантическими трансформациями Именно в результате идеосемантических процессов христианский дискурс рецептировал такие понятия как «литургия» (см выше), «логос», христологическую терминологию (например, оппозиция терминов «единосущный»/ «подобносущный») Идеосемантические отношения в терминологии наглядно проявились в церковно-административной терминологии первой половины XX века

Идеосемантика религиозного термина позволяет (в отлич от термина научного) использовать его как средство передачи экспрессий Вообще идеосемантические процессы, очевидно, играют ведущую роль в развитии теоло-

гической терминологии, поскольку обусловлены особенностями функционирования слова в дискурсе религии (в самом широком понимании)

Структурное значение термина, реализующееся в связи термина с другими языковыми единицами, допускает меньшее количество валентных связей, чем структурное значение общеупотребительных слов Действительно, сочетаемость терминов, на примере теологических, показывает, что их функционирование дискурсно ограничено, хотя и незамкнуто сферой теологии Такие термины, как «атрибут бога», «ипостасное бытие», «безусловно необходимое бытие», и т п используются не только в теологии, но и в различных философских идеалистических школах Богословскими терминами насыщены труды русских философов Серебряного века – П Флоренского, С Булгакова, В Эрна, С Франка, и др Но, тем не менее, употребление этих терминов в условиях разговорно-бытовой коммуникации (в валентности с различной разговорной лексикой) мало вероятно Этим объясняется строгость парадигматических отношений, в которые вовлечены термины По нашему мнению, это можно проиллюстрировать простым наблюдением Парадигматические отношения терминов, реализованные через их семантику, оказываются не действующими для омонимичных им общеязыковых слов Так, например, религиозная «ересь» – догматическая гетеродоксальность, не обязательно является тем, что обозначается словом «ересь» в разговорной речи, где синонимами этого слова являются лексемы «ерунда бессмысленности, абсурд» Термин «ересь» вступает в лексические валентности (за которыми стоят события и концепции истории религии), позволяющие говорить, в том числе и о том, что значение термина потенциально структурировано Значение общеязыкового слова «ересь» этим свойством не обладает Таким образом, общеязыковое слово не несет в своем семантическом значении компонента иерархии, градации и т д, что является существенным для семантики соответствующего термина

Можно сказать, что термин является в философском плане символом обозначаемого им предмета, и, таким образом, он есть по наблюдению А Лосева – его (те предмета) обобщение, «его закон, но такой закон, который смысловым образом порождает вещи, оставляя нетронутой всю их эмпирическую конкретность» И, наконец, что особенно важно для нас он есть «закономерная упорядоченность вещи»⁴

Именно благодаря терминологическому обозначению изучаемый предмет оказывается не только выделен из среды других предметов по своим основным существенным признакам, но и вовлеченным в систему предметной области Поэтому уже цитированный нами П Флоренский утверждал, что суть науки «в построении или, точнее, в устроении терминологии Вся наука – система терминов Поэтому жизнь терминов – и есть история науки, все равно какой, естествознания ли, юриспруденции или математики Изучить

⁴ Здесь и перед этим см Лосев А Ф Философия Мифология Культура М, 1991
С 127

историю науки – это значит изучить историю терминологии, то есть историю овладения умом предлагаемого ему предмета знания»⁵

Лингвистический анализ (прежде всего в изучение терминологии) является таким же инструментом религиозных исследований, как и историко-критический метод, который в современном виде был привнесен в науку в середине XIX века, тем более что одно не исключает другое, а развитие языка и взаимоотношения языковых категорий диалектично. В этом отношении изучение теологической терминологии позволяет не только определить место теологии среди дисциплин гуманитарного знания, но и выявить некоторые черты уникальной самобытности теологии, отличающей ее от других дисциплин.

Параграф 3.2 Методы терминологического анализа структуры религиозного дискурса описывает использованные в исследовательской части работы методы терминологического анализа

Религиозная терминология, достаточно развитая и представленная в большом числе терминопотреблений, не может быть изучена без использования научных методов, разработанных для анализа «больших цифр». Необходим математический анализ элементов религиозного дискурса

Для математического анализа дискурсных структур используются, как правило, две группы методов

- методы лингво-статистического анализа. Для этого необходимо – в нашем случае – провести статистическое изучение особенностей функционирования религиозных терминов на достаточно репрезентативной базе, в качестве которой может преимущественно выступать набор текстов религиозного содержания адекватно отражающих состояние предметного поля религии/теологии

- методы эксперимента (экспертного оценивания). Для использования этого метода применительно к анализу религиозного дискурса необходима группа экспертов-специалистов, участвующих в интервьюировании

Применение методов лингво-статистического анализа предполагает использование специальным образом отобранного материала. Как уже говорилось, таким материалом являются тексты, дающие в совокупности представление о состоянии отдельного религиозного дискурса. Такой отбор может быть естественным (не зависящим от наблюдателя) и искусственным. Искусственный в свою очередь делится на пристрастный и репрезентативный.

Пристрастный отбор производится по следующей схеме: элементы отбираются по какому-то заранее заданному признаку, это могут быть отдельные религиозные термины, или особые (отдельные) формы религиозной коммуникации, имеющие терминологическую фиксацию в рамках дискурса, но проверка при этом подлелят все элементы совокупности

⁵ Флоренский П. А. Мысль и язык // Флоренский П. А. У водоразделов мысли т. 2, М. Правда, 1990 С. 222

Репрезентативный отбор производится, если отобранная группа элементов достаточно полно характеризует всю совокупность, из которой был сделан отбор. Обычно репрезентативный отбор используется в тех случаях, когда всю совокупность элементов использовать невозможно – либо из-за большого количества элементов совокупности, либо из-за того, что не вся совокупность элементов поддается анализу. При анализе религиозного дискурса данный метод представляется оправданным при работе с исключительно развитыми терминологиями – например, латинской схоластической традицией или же, при необходимости анализировать состояние религиозной жизни на основании значительного числа религиозных текстов, едва-ли не целых (оригинальных, а не переводных) библиотек.

В проводимых нами исследованиях использовался отбор, включающий, как правило, *все элементы совокупности*, поскольку анализируемый материал – русская религиозная терминология, относительно молодая и сравнительно проще организованная (нежели, например, латинская) может быть изучена в более полном объеме, нежели при репрезентативном отборе. Такой подход, очевидно, является предпочтительнее репрезентативного.

Схемы эксперимента в основном базируются на методах получения и анализа экспертной информации. Среди этих методов выделяются методы качественного и количественного анализа. Для использования этого метода при изучении терминологических характеристик состояния религиозного дискурса необходимо определить требования к квалификации экспертов (это могут быть преподаватели теологии, представители конфессий). Необходимо привлекать для этого и светских ученых религиоведов.

Задача классификации терминологических структур языка религии заключается в определении оснований для выделения связанных религиозных терминов на основе изучения смысловых отношений, существующих между ними. В настоящем исследовании для решения этой задачи разработана методика, основанная на использовании коэффициента погрешности семантической связи религиозных терминов и аппарата теории графов.

Для описания предметной области необходимо каждому религиозному термину поставить в соответствие совокупность семантических множителей, входящих в состав словарной дефиниции данного термина. Под словарной дефиницией понимается совокупность семантических множителей, входящих в состав соответствующих словарных статей используемого лексикографического источника – авторитетного словаря, правильно раскрывающего значение религиозного термина. При выборе подобного словаря необходимо убедиться в том, что словарные дефиниции, содержащиеся в нем, свободны от полемическо-конфессиональной заданности, соответственно, наиболее подходят общезыковые толковые, а не конфессионально-богословские словари. Таким образом, каждый анализируемый религиозный термин характеризуется набором семантических множителей, число которых определяет «вес» анализируемой лексемы.

Отбор материала производится на основании соотношенности лексем со специальным понятием, т.е. на основании оценки степени терминологич-

ности того или иного слова, учитывая его соотношенность со специальным религиозным (включая теологическим) понятием. При этом учитываются как частотные характеристики (повторяемость того или иного религиозного термина – т.е. степень вхождения его в соответствующий религиозный дискурс), так и концептуальная значимость его, определяемая в соответствии со степенью важности обозначаемого ими понятия в предметной области религии. Для последнего необходимо ориентироваться на оценки исследователей-религиоведов, изучавших религиозно-конфессиональные особенности традиций.

Обобщить вышесказанное о методике терминологического анализа религиозного дискурса можно в виде следующих тезисов:

1. Используемые в данной работе методики сочетают в себе элементы лингво-статистических исследований и экспертного оценивания. Это позволяет учитывать как поддающиеся формализации факторы воспроизводимости религиозных терминов, так и предметную значимость терминов в соответствующих религиозных дискурсах.

2. Методика анализа семантических связей на основе воспроизводимости терминов предназначена для изучения предметной области со слабо-выраженной структурой, что характерно для ранних этапов становления теологии. Использование этой методики позволяет делать выводы о тенденциях развития изучаемой предметной области.

3. Методика классификации терминологических подязыков на основе воспроизводимости терминов предназначена для изучения предметной области, обладающей сформировавшейся структурой, что мы наблюдаем на примере религиозного дискурса XIX–XX вв. Использование этой методики позволяет делать выводы о существующих внутри религиозного предметного поля структурах, т.е. определять состояние соответствующего дискурса не только на основании описания его элементов, но и с учетом их структурного значения.

Параграф 3.3 Структура русской религиозной терминологии XVIII века описывает состояние религиозной терминологии и выявленные на ее основе межпредметные связи применительно к состоянию русского религиозного дискурса, складывавшемуся на протяжении XVIII в.

Руководствуясь приведенными выше положениями, для исследования системных связей между религиозными терминами восемнадцатого века нами принята методика семантического кодирования словарных дефиниций терминов, для чего изначально необходимо определить круг лексикографических источников – словарей, содержащих религиозную лексику, на материале которых будут выявляться отношения семантических связей.

Результаты исследований можно представить в виде следующих тезисов:

1. Большинство терминов генеральной совокупности, относящихся к предметной области систематического богословия, в результате проведенного эксперимента оказалось невозможно разграничить по соответствующим терминологическим блокам. В то же время, церковно-

иерархическая и литургическая терминология представлена наиболее подробно, она легко систематизируется и охватывает весь круг соответствующих понятий и реалий предметной области

Для объяснения этого необходимо обратиться к анализу состояния предметной области времени, соответствующего составлению словарных дефиниций, послуживших основным материалом для проведенного исследования По меткому замечанию Георгия Флоровского, в восемнадцатом веке наука обычно соотносилась с ученостью – эрудицией И вот эта школьно-богословская эрудиция русских латинских школ восемнадцатого века изнутри церковной жизни воспринимается как нечто внешнее и ненужное, не вызванное органическими потребностями самой церковной жизни Существующие в рассматриваемом терминологическом языке восемнадцатого столетия термины, могущие быть соотносенными с разделами основного богословия, как нельзя лучше удовлетворяют требованиям общей теологической эрудиции, а не научной специализации Хотя они и обозначают специальные понятия, но эти понятия не представляют собой строгую и разработанную структуру – по крайней мере, за выявленными между ними семантическими связями наличие такой структуры не столько прослеживается, сколько интуитивно предугадывается

2 Литургики и сфера церковной иерархии органически воспринималась церковным сознанием как важнейшие признаки церкви Отсутствие в их системе сложных принципов отвлеченного богословского рассуждения, мистический символизм, постигаемый верующим сердцем и не требующий сложного богословского поиска, упрощали усвоение соответствующих терминов, тем более что, будучи почти полностью заимствованными из византийской традиции, они стали объектом церковной рецепции, а не развития

3 Выявленные межтерминологические связи, на основании которых была проведена разбивка терминов на тематические блоки, показали закономерности развития предметной области, которые соответствуют данным истории богословия в России Предположения о дальнейшем развитии экклесиологии (включая раздел церковно-канонического права) и литургики подтверждаются исследователями истории богословия В то же время, собственно догматические исследования этого периода истории богословской мысли как в количественном отношении, так и по специфике рассмотренных в них вопросов, оказываются на периферии предметной области Расцвету русской богословской мысли, пришедшему на конец XIX - начало XX веков, соответствует новое состояние предметной области, которое не столько является развитием тенденций XVIII века, сколько оказалось результатом воздействия на богословскую мысль трудов и начинавших свое становление школ русской идеалистической философии

4 Слабая степень структурированности терминологии свидетельствует о состоянии предметного поля, а именно о том, что теология (прежде всего догматическая) в том формате, в котором она представлена в российском обществе восемнадцатого столетия, еще, строго говоря, не

оформлена в качестве науки И хотя в данном дискурсе уже представлены специальные понятия, существующие между ними отношения еще четко не описаны и вряд-ли четко воспринимаемы современниками Перед нами, хотя и специализированное (а не общее, фоновое) но, все-таки еще не научное знание

Структурирование теологии, трансформация ее содержание в упорядоченную структуру, отношения внутри которой обеспечиваются соответствующими терминами, происходит позже, в XIX веке

Параграф 3 4 Структура русской религиозной терминологии XIX-XX века содержит исследование современного состояния русского религиозного дискурса, осуществленное на основе вышеописанного метода

Структура современной русской религиозной (в т ч теологической) терминологии до настоящего времени не изучена Существующие словари и справочники не могут, к сожалению, служить достаточным источником для подобного исследования – в огромном большинстве своем это или переводные издания, отражающие не столько русский религиозный дискурс, сколько соответствующие западные традиции

Поэтому, для того, чтобы нам описать состояние предметной области современной (начиная с девятнадцатого века), был использован метод экспертного оценивания, описанный выше

Для проведения эксперимента на основе экспертного оценивания были выбраны в качестве источников материалы библиографических списков русскоязычных публикаций, относящихся к рассматриваемой предметной области Выбор объема материала основан на предположении, согласно которому объем выборки, дающий достаточно достоверные результаты, как правило, должен превышать 200 тысяч словоупотреблений Отобранные нами источники содержат в совокупности около 500 тысяч словоупотреблений, на основании которых и производился отбор религиозных терминов

Используя методы определения терминологичности религиозной лексики, из всех словоупотреблений мы отобрали 858 терминов **В ходе эксперимента** эксперты не встретили затруднений при соотнесении генеральной совокупности терминов с разделами четырехчастной (принятой в Европе) классификации духовных дисциплин

Таким образом, по сравнению с результатами исследования терминологии восемнадцатого века, налицо существенный прогресс в структурировании данной области Современная русская теологическая терминология представляет собой структурированное единство, что позволяет говорить о том, что богословские дисциплины образуют в своей совокупности единое целое, в рамках которого представлены автономные группы терминов, легко соотносимые с теологическими дисциплинами, не образующими отдельных наук

На основании проведенных лексикографических исследований выявлен устойчивый блок терминов систематического и сравнительного богословия, который можно без затруднений соотнести с предметной областью богословия экуменического движения

Основным фактором, которому предстоит определить развитие предметной области в ближайшие десятилетия, можно считать дальнейшее развитие общественно-церковных дискуссий в связи с вызовом экуменического движения. Как уже отмечалось, исходя из анализа церковно-политического контекста, можно предположить, что на развитие этого процесса окажет влияние недавно состоявшееся подписание Акта о каноническом общении РПЦ МП и РПЦЗ (юрисдикция митрополита Лавра). Вероятно, некоторое влияние на данный процесс окажет и возможная консолидация сторонников епископа Диомида (Дзюбана), выступившего недавно с критическими заявлениями в адрес руководства РПЦ, по-сути обвинив его в нарушении канонов (в т.ч. поддержке экуменизма, рассматриваемого епископом Диомидом как «ересь»).

Таким образом, доказано наличие теологической терминологии как терминологического единства, обусловленного межпредметными и межпонятийными связями. Мы видим, что теологический дискурс имеет свое уникальное терминологическое оформление, а отношения между терминологическими блоками внутри предметного поля соответствуют структуре теологии как синтетического научного структурированного пространства.

Заключение и выводы. Начав наше исследование с терминологической проблемы отсутствия концептуального определения термина «религия», при наличии множества частных определений этого концепта, мы убедились в итоге в том, что данная ситуация коренится не только в самом предмете исследования, но и в парадигматическом состоянии гуманитарного знания, в котором, под влиянием постструктурализма и постмодерна, происходит процесс «исчезновения объекта», а соответственно и неизбежные трудности на уровне разработки базовых дефиниций.

Примененные в данной работе методы семиотического исследования привели к выводу о возможности определить понятие «религия» как код (*особый, не сводимый к вербальному, язык*), обеспечивающий коммуникацию между человеком и миром *sacrum'a*, принципы общения между человеком и божеством. Данное определение позволило нам охарактеризовать коммуникационную интенцию языка религии, – которая (интенция) предстает как дихотомическое единство отношений между человеком и человеком (людьми, социумом) и человеком (социумом) и высшим миром.

Методы дискурса анализа позволили проследить становление семиотического пространства религиозного дискурса от мифологической религиозности до современных теологических религий. Оказалось, что в мифологическом повествовании прагматика коммуникативного действия раскрывается в ином контексте, нежели при бытовой коммуникации, а само мифологическое повествование не столько выступает в качестве аргумента, (хотя и это возможно) используемого для решения задачи коммуникации непосредственно, сколько достигает поставленной цели опосредованно, через формирование новой или консервацию существующей коммуникативной группы, в

которой принятие участниками коммуникации содержание мифа создает условие для их вхождения в единый культурно-религиозный контекст. Границы дискурса мифа проходят там же где и границы коммуникативной группы, в которой воспроизводится данный миф в качестве непосредственно-актуального действия (в т ч и прежде всего - речевого). По этой причине мифологическая культура не способна ни образовывать теологические понятия, ни оперировать заимствованными из иных культур теологемами, - ее дискурсные особенности раскрываются в иной прагматической плоскости.

В мифологической религии теологический дискурс еще не сформирован, а знание о боге/богах относится к области знания о том, что боги *есть*, а не к тому, *что* есть боги. Иными словами, имеет место констатация (например, в форме сюжета) но *рефлексия* полностью отсутствует. Сюжет в мифе выполняет те же функции, что и структура понятий в теологеме.

Теология формируется в рамках мифологического мировосприятия (в условиях развитой мифологической культуры) из двух источников - тенденции к систематизации мифологического материала и попытки нравственных обобщений, которые не сводятся к простой нравственной рефлексии.

Преодоление духовного кризиса современного общества невозможно без нового открытия для себя ценности традиций, без обращения к опыту предшествовавших поколений, которые создавали европейскую христианскую цивилизацию на основе христианских духовно-этических ценностей, а не секулярных антропоцентрических постулатов.

В этом отношении семиотический подход к изучению религии позволяет увидеть и правильно интерпретировать религиозно-духовные символы, которые являются и обозначением предмета религиозной веры и стимулом нравственного совершенствования человека.

Представление о религии как о знаковом способе коммуникации между человеком и высшим миром, на наш взгляд, позволяет учитывать как контекстуальные особенности этой коммуникации, так и ее вечное содержание, не зависящее от внешних изменений. Разграничение прагматики, семантики и синтаксиса религиозного текста (в широком смысле этого термина) позволяет анализировать не только текстуальные вербальные памятники религиозного содержания (напр священные книги различных религий), но и памятники религиозного искусства, (во многих случаях ставшие или бывшие эталонными), и даже общественно-религиозные процессы, без изучения которых невозможно составить достаточно полное представление об интерконфессиональных и культурноцивилизационных реалиях современности, т е способен решить задачи, стоящих перед научным религиоведением.

Основное содержание диссертации отражено в следующих публикациях.

Монографии

- 1 Прилуцкий, А М Дискурс теологии /А М Прилуцкий - СПб Изд-во «Светоч», - 2006 - 14,2 п л – 300 экз – ISBN 5-901621-18-2

- 2 Прилуцкий, А М Семиотика религии Философско-религиоведческие исследования /А М Прилуцкий - СПб Издат дом «Инкери», - 2007 - 12 п л – 800 экз - ISBN 975-5-903562-02-2

Статьи, опубликованные в изданиях, входящих в Перечень ВАК

- 3 Прилуцкий, А М Применение коэффициента конвергенции при решении задачи классификации гуманитарного знания /А М Прилуцкий // Системы управления и информационные технологии Перспективные исследования Научно-технический журнал – М-Воронеж Научная книга - 2006 - № 1 (23) - С 169-174 (0,8 п л)
- 4 Прилуцкий, А М Религиоведение и теология проблема границы (к вопросу об интеграции теологии в систему высшего образования современной России) /А М Прилуцкий // Интеграция образования Научно-методический журнал - 2006 - № 2 - С 96-102 (0,5 п л)
- 5 Прилуцкий, А М Понятие «секта» основные значения и правомерность употребления / А М Прилуцкий, А К Погасий // Религиоведение Научно-теоретический журнал - 2006 - № 1 - С 164- 171 (0,8 п л – 0,4 п л авт)
- 6 Прилуцкий, А М Социальная природа религиозно-теологического знания (терминологический аспект) / А М Прилуцкий // Вестник Ленинградского государственного университета им А С Пушкина Серия Философия Научн журнал – СПб ЛГУ им А С Пушкина - 2007 - № 3 (6) – С 143-151 (0,5 п л)
- 7 Прилуцкий, А М Либеральная теология в социокультурном контексте современной Западной Европы / Н С Гордненко, А М Прилуцкий // Вестник Ленинградского государственного университета им А С Пушкина Серия Философия Научн журнал – СПб · ЛГУ им А С Пушкина - 2007 - № 4 (8) – С 119-127 (0,5 п л – 0,25 п л авт)
- 8 Прилуцкий, А М Семиотика имени в религии и в ритуале / Лебедев В Ю , Прилуцкий А М // Вестник Ленинградского государственного университета им А С Пушкина Серия Философия Научн журнал – СПб ЛГУ им А С Пушкина - 2008 - № 2 (11) – С 164-170 (0,5 п л – 0,25 п л авт)
- 9 Прилуцкий, А М Влияние экуменических организаций на религиозную ситуацию на северо-западе (религиоведческо-герменевтическое исследование) / А М Прилуцкий // Регионология Научно-публицистический журнал – Саранск - 2008 - № 1(62) – С 181-191 (0,8 п л)

Статьи в других изданиях

- 10 Прилуцкий, А М Текстовая база данных памятников древнерусского языка на персональной ЭВМ / Р Ю Кобрин, А.М Прилуцкий // Актуальные проблемы компьютерной лингвистики Тез докл Всесоюзн

- конф – Тарту Тартуский университет – 1990 – С 74-75 (0,2 п л – 0,1 п л авт)
- 11 Прилуцкий, А М Использование ПЭВМ в историческом языкознании новая лексикографическая концепция / Р Ю Кобрин, А М Прилуцкий // Лингвистика взаимодействие концепций и парадигм Материалы межведомственной научно-теоретической конф - Харьков, - 1991 - С 96-98 (0,2 п л – 0,1 п л Авт)
 - 12 Прилуцкий, А М Разработка и создание автоматизированного процессора лексикографического описания древнерусских текстов / Р Ю Кобрин, А М Прилуцкий // Современные проблемы лексикографии Сб науч тр – Харьков, - 1992 – С 262-265 (0,3 п л – 0,15 п л авт)
 - 13 Прилуцкий, А М Опыт реализации лексикографического принципа автоматизированного описания текстов / Р Ю Кобрин, В И Комардин, А М Прилуцкий // Математическое моделирование в образовании Программные средства Межвуз сб науч тр - Нижний Новгород Нижегородский государственный университет, 1993 - С 158-167 (0,6 п л – 0,2 п л Авт)
 - 14 Прилуцкий, А М SENSUS LITERALIS UNUS EST Экзегетические взгляды Мартина Лютера в свете предшествовавшей экзегетической традиции / А М Прилуцкий // Platalea Сб статей по теологии, философии, истории - СПб Изд-во «Светоч», 2001 - С 5-40 (2 п л)
 - 15 Прилуцкий, А М Анализ состояния и развития предметной области на основе семантических связей терминов / А М Прилуцкий // Интеллектуальные информационные системы Труды Всерос конф - Воронеж, 2001 - С 91-93 (0,2 п л)
 - 16 Прилуцкий, А М Опыт терминологического анализа развития теологических дисциплин / А М Прилуцкий // Platalea Сб статей по теологии, философии, истории - СПб Изд-во «Светоч», 2001 - С 92-99 (0,4 п л)
 - 17 Прилуцкий, А М Зарождение научной герменевтики и феномен протестантизма / А М Прилуцкий // Взаимодействие науки, философии и религии на рубеже тысячелетий Прошлое, настоящее и будущее Материалы XII Международного конгресса – СПб , 2002 – С 105-107. (0,2 п л)
 - 18 Прилуцкий, А М Влияние процессов глобализации на религиозную ситуацию в регионах / А М Прилуцкий // Глобальный дискурс Сб статей – Сумы Университетская книга – 2003 – С 55-60 (0,4 п л)
 - 19 Прилуцкий, А М Современные тенденции развития экуменических организаций на северо-западе герменевтический аспект / А М Прилуцкий // Религиозная ситуация на северо-западе России и в странах Балтии традиции и современность Сб стат по итогам II Международного научн конф – СПб 2005 – С 200-210 (0,7 п л)

- 20 Прилуцкий, А М. Теология и экзегетика М Лютера. Послесловие // М Руоканен. Учение о боговдохновенности. Мартин Лютер и его место в экуменической проблеме боговдохновенности. *Doctrina Divinitus Inspirata* / под ред. А М Прилуцкого, пер. с англ. А А Асонов – СПб. Изд-во «Светоч» – 2005. – С 139-152 (0,7 п л)
- 21 Прилуцкий, А М. К вопросу о структурном исследовании предпосылок либеральной теологии / А М Прилуцкий // Материалы по исследованию религиозной ситуации на северо-западе России и в странах Балтии. Вып III – СПб. Издательский дом «Инкери», 2006 – С 194-203 (0,6 п л)
- 22 Прилуцкий, А М. Структура религиозного дискурса: от мифологии к теологии / А М Прилуцкий // Вестник Нижегородского университета им. Н И Лобачевского. Серия социальные науки – Новгород. Изд-во ННГУ им. Н И Лобачевского, 2007 - № 2 (7) – С 163-168 (0,45 п л)
- 23 Прилуцкий, А М. Философия и прагматика богословского термина / А М Прилуцкий // Конец мировой истории и современное состояние общественного сознания. Избранные науч. труды II Казанской Международной научно-богословской конф. – Казань, 2007 - С 235-242 (0,5 п л)
- 24 Прилуцкий, А М. Язык как инструмент теологического исследования = Language as an Instrument of Theological Study (на рус и англ. яз.) / А М Прилуцкий // Богословские размышления = Theological Reflections – Одесса, 2007 - № 8 - С 56-64 (рус.), С 64-71 (англ.) (0,5 п л)
статьи в зарубежных изданиях
- 25 Juozaitis S, Alexandr Priludskij. Epochos paminklas ir visas Liuteris // Martynas Liuteris. Užstales Pokalbiai. Vilnius. Alma littera, 2003 - P 9-16 – ISBN 9955-08-424-3 (0,5 п л – 0,25 п л Авт.)
- 26 Priloutskii Alexander M. The Authority, Inspiration and Power of the Bible // Witnessing to God's Faithfulness. Issues of Biblical Authority. LWF Department for Theology and Studies. Geneva, 2006 - P 36-45. ISBN 3-905676-52-4 (0,6 п л)

ООО «КОПИ – Р» г Санкт-Петербург,

ул. Пестеля, д. 11. Тел./факс (812) 272 30 36

Утверждено в печать и к выходу в свет 09.07.08

Сдано в производство 03.09.08. Отпечатано с готового оригинал-макета. Формат 60x90/16. Печать ризографическая. Объем 2 п л. Тир 100 экз.